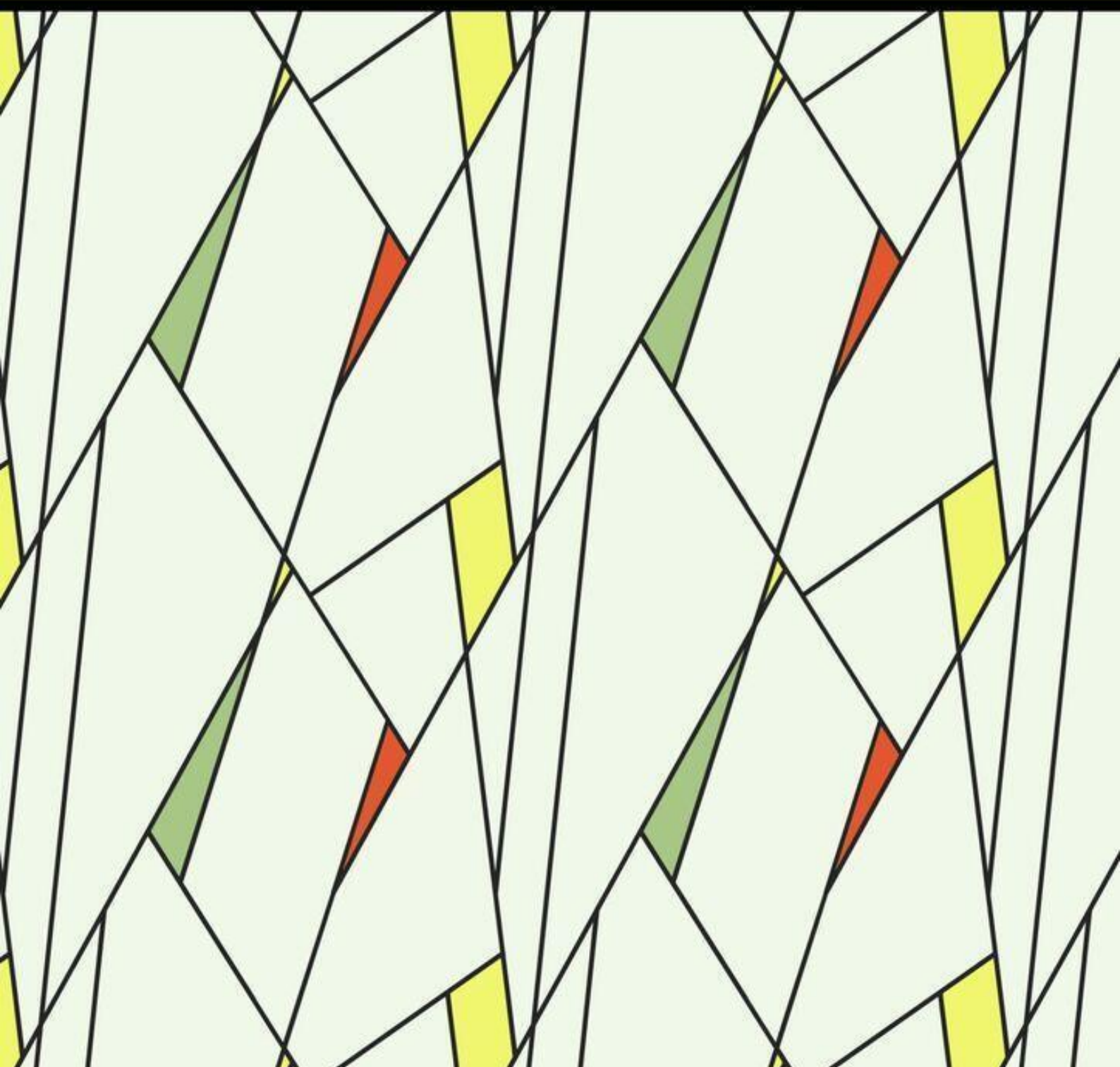

12+

МИХАИЛ МЯСНИКОВ

Война и Мир 2

Михаил Мясников

Война и Мир — 2

«Издательские решения»

Мясников М. Г.

Война и Мир — 2 / М. Г. Мясников — «Издательские решения»,

Эпоха великих перемен не заканчивается. Спустя десятилетия после триумфа 1812 года и семейного счастья в эпилоге, герои и их потомки сталкиваются с новыми испытаниями. На смену наполеоновским войнам приходит эпоха Николая I, а юношеский идеализм детей Пьера, Наташи и Николая Ростова приводит их на Сенатскую площадь в роковой день восстания декабристов. Как сложатся судьбы героев, когда их сыновья окажутся по разные стороны баррикад? Сможет ли семья выстоять под ударом государственной машины?

© Мясников М. Г.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Война и Мир — 2

Михаил Геннадьевич Мясников

© Михаил Геннадьевич Мясников, 2026

ISBN 978-5-0070-6542-9 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-6543-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В Лысых Горах и Отрадном, как и во всей России, стояла та особенная, звенящая тишина, что наступает после великой бури. Но если в природе после грозы воздух чист и напоен озоном, то здесь, в усадебной жизни, тишина была иной — густой, вязкой и настороженной. Она не успокаивала, а давила. Это была эпоха реакции, время, когда само слово «свобода» произносилось вполголоса, с оглядкой на лакейскую и на дверь кабинета.

В большом кабинете Николая Ростова пахло кожей кресел, дорогим табаком и еще чем-то неуловимым — запахом власти. Сам граф, уже погрузневший и посолднневший, занимал пост предводителя дворянства. Он сидел за огромным письменным столом, заваленным бумагами. Перед ним стоял исправник, человек с бегающими глазами и красным лицом.

— Ваше сиятельство, — бубнил исправник, комкая в руках фуражку, — меры приняты. В уезде всё спокойно. Аграрных волнений не предвидится. Крестьяне... они как дети. Им волю дай — они сами не знают, что с ней делать.

Николай Ростов слушал его вполуха. Он смотрел в окно на старый парк. Там, по расчищенным дорожкам, шла княжна Марья. Она вела за руку маленького Николеньку Болконского. Мальчик вырывался, пытаясь подобрать с земли кленовый лист. «Дети... — подумал граф. — Им волю дай...». Он вспомнил своего сына Николая-младшего, который сейчас был в Москве, в университете. Вспомнил его горящие глаза при последнем разговоре. — ...А что касемо вольнодумства среди студентов и прочей швали, так мы их мигом... — продолжал исправник.

Николай резко оборвал его: — Довольно. Ступайте. И помните: порядок должен быть, но без излишней жестокости. Мы не палачи. Исправник поклонился и вышел, пятясь задом. Граф остался один. Тишина кабинета стала оглушительной. Он взял со стола письмо от сына. Адрес был написан четким, твердым почерком. Николай не стал его распечатывать. Он и так знал содержание. Снова упреки в «соглашательстве», снова цитаты из французских энциклопедистов и намеки на то, что «отцы» предали идеалы «детей».

В соседней комнате послышались шаги и смех. Это была Наташа. Теперь уже не та тоненькая девочка с огромным ртом и черными глазами, а величественная княгиня Безухова-Ростова. Она вошла в кабинет стремительно, принесла с собой запах яблок и осеннего сада. — Николенька! — воскликнула она с порога. — Ты опять сидишь над своими бумагами? Марья с мальчиком гуляет в саду. Такой чудесный день! Пойдем к ним.

Она подошла к нему сзади и положила руки ему на плечи. Её прикосновение было теплым и живым. Николай накрыл её руку своей большой ладонью. — Наташа... — глухо сказал он. — Я получил письмо от Коли. Смех тут же угас в её глазах. Они стали тревожными, почти испуганными. — Что он пишет? — тихо спросила она. — То же самое. Что мы живем во лжи. Что дворянство выродилось. Что я... я служу не Отечеству, а тирану.

Наташа опустила в кресло напротив. Она смотрела на мужа с той безграничной любовью и пониманием, которые пришли к ней лишь с годами материнства. — Он молод, Николенька. Он не знает цены тому, что хочет разрушить. Для него всё просто: свобода — это благо. А то, что за этой свободой может прийти хаос... он об этом не думает. — Я пытался ему объяснить! — Николай ударил кулаком по столу так, что чернильница подпрыгнула. — Я говорил ему о присяге! О долге! О том, что нельзя ломать государство из-за своих фантазий! А он смотрит на меня как на врага.

В комнате повисла тяжелая пауза. За окном ветер сорвал с клена последний лист и закружил его в воздухе. — Он похож на тебя, — вдруг сказала Наташа очень мягко. — В молодости ты тоже был таким же... порывистым. Помнишь атаку под Шенграбенom? Ты ведь тоже шел против всех правил.

Николай посмотрел на неё с изумлением. — Это другое! Это был воинский долг! — Для него сейчас это тоже долг. Долг перед совестью. Мы должны быть терпеливы. Мы должны быть мостом между ними и этим миром.

Она кивнула на окно, за которым виднелись ровные ряды крестьянских изб. — Ты думаешь о крестьянах? — спросил он уже спокойнее. — Я думаю о нем. О нашем сыне. Если мы сейчас порвем эту нить... я не переживу этого во второй раз.

Она имела в виду Андрея. Упоминание покойного князя повисло между ними невидимой тенью. Николай встал, обошел стол и обнял жену за плечи. — Ты права, душенька. Ты всегда права. Я поеду к нему в Москву. Попробую поговорить еще раз. Не как отец-начальник, а как отец... Просто как отец.

Наташа прижалась щекой к его руке. — Поезжай. Только будь осторожен в словах. Они сейчас все как порох. Одно неверное слово — и вспыхнет.

Они вышли из кабинета вместе. В саду княжна Марья рассказывала маленькому Николенке про ангелов на небе. Мальчик слушал её с открытым ртом, забыв про свой кленовый лист. «Вот оно, настоящее», — подумал Николай Ростов, глядя на эту идиллическую картину: на старую деву с добрыми глазами, на белокурого мальчика и на свою Наташу, которая снова смеялась чему-то своему, внутреннему. Но даже здесь, в этом тихом саду, эта идиллия была хрупкой скорлупой над темной бездной истории, которая уже начала свой неумолимый ход к новым потрясениям. И где-то там, в Москве или Петербурге, его сын читал запретные книги и мечтал о том дне, когда эта тишина будет взорвана громом нового восстания.

Дела уездные, как успел за годы службы уяснить Николай Ильич Ростов, были подобны топкому болоту: чем яростнее пытаешься из него выбраться, тем глубже тебя засасывает. Должность предводителя дворянства, некогда казавшаяся ему венцом общественной деятельности, на деле обернулась ежедневной, изматывающей борьбой с невидимым, но всемогущим врагом — российской бюрократической машиной.

Солнечный свет, пробивавшийся сквозь пыльные портьеры в его кабинете в уездном городе, казался насмешкой. Внутри же царил полумрак и духота. На столе перед графом высилась гора бумаг: прошения, отчеты, циркуляры. Каждая бумага была кирпичиком в стене, отделявшей его от реальной жизни — от тех самых крестьян, о благе которых он так искренне пекся.

В кабинет, тяжело ступая, вошел заседатель Сиволапов. От него пахло дешевым табаком и казенной чернильницей. Он не поздоровался, а лишь молча положил перед Ростовым увесистую папку.

— Что это? — устало спросил Николай Ильич, даже не пытаясь скрыть неприязни.

— Отчет по рекрутскому набору, ваше сиятельство, — пробасил Сиволапов, вытирая потную шею огромным платком. — Всё в полном порядке. Списки утверждены. Недобору нет.

Ростов открыл папку. Его опытный глаз сразу выхватил знакомые фамилии. — Позвольте... Как это «в полном порядке»? Вот здесь, в списке отписанных, значится семья Епифановых. У них единственный сын-кормилец. А в хозяйстве — только баба да старуха-мать. Это же разорение! По закону мы должны были взять кого-то из многодетных дворов.

Сиволапов равнодушно пожал плечами. Звук получился скрипучий, как несмазанная телега. — Так ведь за Епифановых заплатили-с. Купец первой гильдии Свистунов внес за них рекрутскую квитанцию. А Свистунову, ваше сиятельство, мы потом лесную делянку подешевле продадим. Всем польза. И казне прибыль, и купцу выгода.

Николай Ильич медленно отложил перо. В висках застучала кровь. Он чувствовал себя так, будто его окунули в грязь. — Это не польза, а казнокрадство и беззаконие! — голос его зазвенел от гнева. — Я не позволю торговать кровью! Вычеркнуть Епифановых из списка немедленно. И впредь... впредь чтобы я таких отчетов не видел. Мы должны служить закону и совести, а не купеческим мошнам!

Сиволапов посмотрел на него с тупым, тяжелым недоумением, словно на ребенка, который отказывается от конфеты. — Ваше сиятельство... Николай Ильич... — он понизил голос до доверительного шепота. — Вы человек новый в этих делах, простите за прямоту. Но так мир устроен-с. Вы их сейчас «спасете», а завтра Свистунов на вас такую кляузу в губернию настроит, что костей не соберете. Или того хуже — ревизию пришлют. А у нас тут у всех... свои грешки. Вы же сами просили дорогу к мельнице подправить? Просили. А лес на это где брать? Тоже не по закону выходит.

Это был удар ниже пояса. Ростов действительно хлопотал о ремонте дороги, жизненно важной для всего уезда. И да, он знал, что лес для этого придется брать из казенных запасов без надлежащего оформления бумаг, через «благодарность» лесничему. Его честность билась о скалу всеобщего лицемерия.

Он молчал долго. Сиволапов терпеливо ждал, зная свою силу. — Хорошо... — наконец выдохнул Ростов. Голос его был хриплым и надломленным. — Оставьте папку. Я... посмотрю.

Сиволапов удовлетворенно кивнул и вышел, оставив после себя лишь тяжелый запах и гнетущее чувство поражения.

Оставшись один, Николай Ильич обхватил голову руками. Он чувствовал себя предателем собственных идеалов. Он только что пошел на сделку с совестью ради общего блага — дороги для крестьян. Но какой ценой? Ценой жизни сына Епифановых? Где та грань, за которой компромисс превращается в подлость?

Он вспомнил разговор с Наташей перед отъездом. «Будь мостом», — сказала она. Но мост этот рушился под его ногами. Он пытался действовать в рамках закона, но закон здесь был лишь ширмой, прикрывавшей произвол сильных и бесправие слабых.

В дверь тихо постучали. — Войдите! — крикнул Ростов резче, чем хотел. На пороге стоял молодой чиновник из его канцелярии, бледный и взволнованный. — Ваше сиятельство... Там мужики пришли. Из деревни Горелое. Целая толпа.

— Что им нужно? Опять жаловаться на старосту? Я же велел разобраться...

— Нет-с... Хуже. Там убийство было.

Николай Ильич поднял на него тяжелый взгляд. Новая беда, новая несправедливость требовала его вмешательства. Он встал из-за стола, чувствуя свинцовую усталость во всем теле. — Иду.

Выходя из кабинета, он на секунду задержался у зеркала в прихожей. На него смотрел грузный, рано поседевший мужчина с глубокими складками у рта. В его глазах больше не было того юношеского огня и лихости гусара Николая Ростова. В них была лишь бесконечная, глухая тоска человека, который каждый день проигрывает битву с ветряными мельницами системы, но всё равно вынужден снова и снова садиться на коня и идти в бой. Потому что иначе — нельзя. Потому что кто-то должен пытаться быть честным в этом царстве лжи.

Трудности Николая Ростова на посту предводителя дворянства были не из тех, что решаются лихой атакой эскадрона или звонкой пощечиной обидчику. Это была медленная, удушающая борьба с вязкой, инертной материей, имя которой — российская уездная жизнь. Его главные враги не имели лиц, а если и имели, то это были такие лица, как у заседателя Сиволапова: непроницаемые, сытые и абсолютно уверенные в своей правоте.

Трудность первая: **Парадокс власти и бессилия**. Формально Николай Ильич был первым лицом в уезде. Его слово должно было быть законом. На деле же он оказался заложником системы, где реальная власть принадлежала не ему, а столоначальникам в губернском городе и мелким винтикам этой машины на местах. Он мог издать распоряжение, но не мог заставить его исполнить. Он мог требовать отчета, но получал лишь отписки, написанные суконным языком и не имеющие никакого отношения к действительности. Любая его инициатива вязла в песке чиновничьего равнодушия.

Трудность вторая: **Конфликт с «системой взяток»**. Это была не та грубая коррупция, когда берут деньги из рук в руки. Это была сложная, веками отлаженная система «благодарностей», «услуг за услуги» и взаимных обязательств. Попытка Николая Ильича действовать строго по закону натывалась на глухое сопротивление. Для Сиволапова и ему подобных закон был не правилом, а досадной помехой, которую можно обойти с помощью «правильного» человека. Когда Ростов пытался пресечь незаконную вырубку леса или защитить крестьян от произвола, он натывался на стену непонимания. Ему говорили: «Так было испокон веку», «Все так делают», «Не нами заведено». Его честность воспринималась как чудачество, а то и как прямая угроза устоявшемуся порядку, который кормил десятки мелких чиновников.

Трудность третья: **Дефицит честных исполнителей**. Николай Ильич был готов работать сутками. Но он не мог быть одновременно в десяти местах. Ему нужны были земские врачи, честные судьи, добросовестные учителя. А их катастрофически не хватало. На все должности претендовали либо отпрыски знатных, но обедневших фамилий, которым было все равно, чем заниматься, лишь бы получать жалованье, либо люди вроде Сиволапова — исполнительные, но лишенные какой-либо эмпатии и видящие в своей должности лишь источник дохода. Найти человека, который бы болел душой за дело, казалось невозможным.

Трудность четвертая: **Бюрократический лабиринт**. Любое, даже самое незначительное дело превращалось в бумажную одиссею. Чтобы построить школу или починить мост, нужно было составить проект, утвердить его в губернии (где он мог пролежать месяцами), получить смету (которая всегда была занижена), а затем отчитываться за каждую копейку так, что сама цель — школа или мост — терялась за горой отчетов. Ростов тратил на писанину и поездки в губернский город больше времени, чем на реальное управление уездом.

Но самой главной, выматывающей трудностью была **внутренняя борьба**. Каждый день перед ним вставал выбор: идти на маленький компромисс ради большого дела или стоять насмерть за букву закона и проиграть всё? Разрешить купцу Свистунову «помочь» с ремонтом дороги (взяв лес не по закону), чтобы крестьяне могли осенью вывезти хлеб? Или запретить и оставить их с разбитыми дорогами? Закрывать глаза на мелкое воровство старосты, который всё же собирает подати? Или наказать его по всей строгости и вызвать бунт?

Эта постоянная необходимость лавировать между совестью и прагматизмом высасывала из него жизненные силы. Он возвращался домой в Лысые Горы измученный не физически — физически он был еще крепок — а душевно. Он видел несправедливость, понимал её корни, но его руки были связаны тысячами невидимых нитей — законом, традицией, страхом перед начальством и собственной неспособностью изменить вековой уклад.

Вечерами он сидел в своем кабинете в уездном городе перед стопкой бумаг и чувствовал не удовлетворение от выполненного долга, а глухое отчаяние. Он был похож на человека, который пытается вычерпать море решетом: вода прибывает быстрее, чем он успевает делать черпок. И с каждым днем в его глазах всё отчетливее проступала та самая тоска человека, осознавшего своё бессилие перед лицом огромной и неповоротливой государственной машины.

Борьба с ветряными мельницами уездной коррупции не была для Николая Ильича абстракцией. Она состояла из десятков конкретных, грязных и душераздирающих дел, каждое из которых оставляло на его душе новый шрам. Вот лишь несколько из них, которые особенно ярко запечатлелись в его памяти.

Это был первый, самый болезненный удар по его иллюзиям. Схема, которую ему так цинично изложил заседатель Сиволапов, оказалась не исключением, а правилом. Богатый купец Свистунов, имевший несколько лавок в городе, не желал отдавать в солдаты своего племянника. Он внес в рекрутское присутствие деньги — «рекрутскую квитанцию». Формально закон был соблюден: казна получила средства. Но по сути это была торговля человеческими жизнями. Бедная семья Епифановых, чей сын-кормилец был внесен в списки вместо купеческого родственника, была обречена на нищету и голод.

А дальше начиналась вторая часть сделки. Свистунов, «спасший» племянника, приходил к тому же Сиволапову (или к лесничему) и просил о «небольшой услуге». Ему продавали право на вырубку векового леса в казенной роще по цене дровяного хвороста. Лес уходил за бесценок, деньги делились между чиновниками, а Свистунов строил из этого леса новый лабаз. Ростов пытался бороться. Он отменял распоряжения, писал гневные письма в губернию. В ответ он получал сухие отписки о том, что «сделка проведена в рамках действующего законодательства», а на него самого начинали косо смотреть коллеги-предводители из соседних уездов, намекая, что он «мешает жить уважаемым людям». Николай Ильич чувствовал себя так, будто его окунули в выгребную яму: всё было формально чисто, но от этой чистоты невыносимо воняло.

Уезду требовался новый мост через реку Гнилушку. Старый каждую весну сносило паводком, отрезая несколько деревень от рынка. Ростов выбил в губернии ассигнования. Был объявлен тендер на строительство. Победу предсказуемо одержала компания, принадлежащая троюродному брату губернского прокурора. Подрядчик представил смету, в которой стоимость добротного дуба была завышена втрое.

Когда мост был сдан, Николай Ильич решил лично его осмотреть. То, что он увидел, заставило его побелеть от ярвы. Опоры моста были сделаны не из дуба, а из сырой сосны, которая уже начала гнить и покрываться грибом. Проезжая часть была настелена кое-как. Это было не просто воровство — это было преступление, которое могло привести к гибели людей.

Ростов составил акт осмотра и отправил его с нарочным в губернию. Через неделю к нему приехал сам подрядчик — гладкий, улыбчивый господин в дорогом сюртуке. — *Николай Ильич, — начал он вкрадчиво за ужином (от которого Ростов отказался), — ну зачем же так горячиться? Вы же понимаете, сметы — это одно, а реальная экономика — совсем другое. Я сэкономил, да. Но я же не для себя! Я часть этих денег пожертвовал на строительство церкви в уездном городе. На богоугодное дело! А вы... вы хотите оставить приход без храма?*

Подрядчик бил точно в цель. Он выставлял Ростова не борцом с коррупцией, а врагом веры и общественного блага. А через месяц пришла бумага: подрядчик оштрафован на ничтожную сумму за «нарушение технологий», мост признан годным к эксплуатации, а дело закрыто.

В уезде умирал от холеры один из дальних хуторов. Нужен был врач. На жалованье земства претендовали двое: один — пожилой немец с тридцатилетним стажем и безупречной репутацией, другой — молодой человек без особого опыта, но племянник влиятельного сенатора в Петербурге.

Заседание дворянского собрания превратилось в фарс. В пользу молодого кандидата говорили не его знания, а то, что он «свой», «из хорошего круга», и что «племянник Ивана Петровича будет очень благодарен». Голоса разделились поровну. Решающее слово оставалось за Ростовым как за предводителем. — *Господа, — начал он свою речь, чувствуя, как пересохло в горле. — Мы выбираем не прислугу и не декорацию для наших балов. Мы выбираем человека, от которого будут зависеть жизни наших крестьян. Я голосую за опыт и знания.*

Он проголосовал за немца. И проиграл. Губернатор прислал депешу с «рекомендацией» утвердить кандидатуру племянника сенатора. Ростов мог бы упереться рогом и пойти на конфликт с губернатором, но понимал: это будет стоить ему должности и погубит всё то небольшое хорошее, что он еще мог сделать в уезде. Ему пришлось подчиниться.

Каждый из этих случаев был как гвоздь в крышку гроба его надежд. Он видел систему целиком: от мелкого вымогательства на местах до круговой поруки на самом верху. И чем больше он боролся, тем яснее понимал: он не может победить систему извне. Любая его попытка её сломать приводила лишь к тому, что она ломала его самого или тех невинных людей (как семья Епифановых), которых он пытался защитить. Это было самое страшное открытие: его честность и прямота были бесполезны и даже опасны в мире, где ложь стала нормой жизни.

Подготовка к зимнему балу в уездном городе стала для Николая Ильича Ростова не светской забавой, а очередным фронтом, на котором приходилось вести изнурительную позиционную войну. Бал давали в честь тезоименитства государя, и это накладывало особый отпечаток официоза на всё мероприятие. Для Ростова же это была не столько возможность блеснуть, сколько тяжкая повинность, требующая дипломатических усилий, не уступавших по сложности переговорам с европейскими послами.

Организация легла на плечи Наташи, и она взялась за дело с той же страстью, с какой когда-то готовилась к своему первому балу у екатерининского вельможи. Но если тогда её волновали ленты и взгляды, то теперь — репутация мужа и необходимость соблюсти все тонкости уездного этикета.

— Николенька, мы должны послать приглашение исправнику Сиволапову, — заявила она однажды вечером, перебирая карточки с золотым тиснением. В её голосе не было вопроса, лишь констатация факта.

Николай Ильич, читавший в кресле газету, поморщился так, будто у него занули все зубы разом. Он отложил «Московские ведомости». — Наташа, душа моя... Ты же знаешь, что это за человек. Он напьется, будет говорить сальные комплименты дамам и рассказывать свои казарменные анекдоты. Я видеть его не могу, а ты хочешь посадить его рядом с Марьей Дмитриевной Ахросимовой? Она его со свету сживет.

Наташа подошла к нему и, наклонившись, поцеловала в макушку. От неё пахло духами и воском — она только что проверяла, как горят свечи в большой зале. — Я всё знаю, mon cher. Но он — власть. Твой недоброжелатель. Если мы его не пригласим, он сочтет это личным оскорблением. Он начнет писать доносы, мешать твоим делам с подрядами, придирается к каждой запятой. Мы должны его «приручить». Пусть он увидит, что мы — люди света, что у нас порядок и уважение к чинам. Пусть он напьется. Мы посадим его в самый дальний угол, между старым генералом и глухой купчихой. Пусть сидит там и молчит.

Николай Ильич тяжело вздохнул и посмотрел на жену снизу вверх. В её глазах плясали знакомые озорные искорки, но за ними стояла стальная воля женщины, прошедшей через огонь и воду. — Ты рассуждаешь как стратег, — усмехнулся он. — Я бы просто вызвал его на дуэль. — Дуэлью ты бы только подтвердил его правоту в глазах губернатора. А так... мы его переиграем на его же поле. Пригласи его лично. Поговори с ним о псовой охоте или о том, как подорожал овес. Покажи ему, что ты уважаешь его чин, даже если презираешь его самого.

Бал состоялся в большом зале дворянского собрания, который по этому случаю сиял как никогда. Вдоль стен выстроились ряды кадок с померанцевыми деревьями, пахло хвоей и воском тысяч свечей. Оркестр настраивал инструменты, и эта какофония настраивала Николая Ильича на меланхолический лад.

Он стоял у входа в залу, встречая гостей. Роль хозяина давалась ему тяжело: улыбка на его лице казалась приклеенной, а рука, пожимавшая руки приглашенных, была словно деревянная.

Вот подпоручик Берг с супругой Верой — чопорные, безупречные. Вера холодно кивнула Наташе, та ответила ей ослепительной улыбкой. — *Как мило вы выглядите*, — прошептала Наташа так сладко, что Вера побледнела.

Вот семейство Щербатских, вот уездный предводитель из соседнего округа — пустой светский болтун. И вот он. Сиволапов. В новом, необмятом еще вицмундире, который жал ему под мышками. От него пахло не одеколоном, а дешевым мылом и табаком. — *Ваше сиятельство!* — пророкотал он, низко кланяясь Ростову и целуя руку Наташе. — *Какая честь! Какое великоколепие! Не ожидал-с! Ей-богу!*

Николай Ильич почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. — *Полноте, Иван Пантелеевич*, — сказал он ровным голосом, вкладывая в рукопожатие ровно столько силы, сколько требовал этикет. — *Мы всегда рады видеть блюстителей порядка в нашем доме.*

Сиволапов расплылся в самодовольной улыбке, приняв эту вежливость за чистую монету. — *А я вам подарок принес*, — громким шепотом сообщил он и сунул Николаю Ильичу в руку небольшой сверток. Ростов с ужасом понял, что это, скорее всего, бутылка водки или дорогой табак — взятка на глазах у всего света. — *Благодарю*, — процедил он сквозь зубы и быстро сунул сверток подбежавшему лакею. — *Прошу вас, проходите. Стол уже накрыт*.

Весь вечер Николай Ильич чувствовал себя зверем в клетке. Он танцевал с дамами (полька с женой предводителя из соседнего уезда далась ему ценой невероятного усилия над собой), вел пустые разговоры о погоде и ценах на зерно, слушал казенную музыку и фальшивые комплименты.

Он искал глазами Наташу. Она была душой этого праздника. Она порхала по залу в своем воздушном платье (не белом — белый цвет был теперь под негласным запретом для замужних дам), смеялась, говорила всем приятные слова и умудрялась при этом незаметно дирижировать слугами: то кивком головы указывая лакею подлить вина скучающему генералу, то посылая горничную успокоить раскапризничавшуюся дочку Щербатских.

В какой-то момент их взгляды встретились через весь зал. В её глазах он прочитал всё: «Держись. Еще час». Она улыбнулась ему той самой, особенной улыбкой из их молодости, от которой у него до сих пор замирало сердце.

Бал подходил к концу. Уставшие музыканты играли финальный контрданс. Николай Ильич стоял у колонны и смотрел на танцующих. Он видел раскрасневшиеся лица молодежи (здесь был и его сын Коля), слышал смех... Но для него этот мир был отделен невидимой стеклянной стеной. Он был здесь хозяином, но чувствовал себя чужим.

Когда последние гости разъехались и в залах остались только слуги, собирающие бокалы и гасящие свечи, Николай Ильич подошел к окну. За стеклом мела метель. В комнату тихо вошла Наташа. Она положила руку ему на плечо. — *Ну что? Тяжело?* — спросила она шепотом. — *Нестерпимо*, — честно ответил он. — *Все эти маски... Эти улыбки... Я чувствую себя лицемером*.

Она прижалась щекой к его спине. — *Ты не лицемерил. Ты был мостом*, — тихо сказала она слова из их давнего разговора. — *Ты показал им всем: мы сильны. Мы едины. Мы играем по правилам света лучше их самих. Теперь Сиволапов дважды подумает, прежде чем писать донос*.

Николай Ильич накрыл её руку своей большой ладонью. — *Ты права*, — выдохнул он с бесконечной благодарностью и усталостью. — *Как всегда*.

Настаивать на участии Николая Ильича в светской жизни Наташу Ростову заставляла не пустая светская суетность и не тоска по ушедшей молодости. За этим стояла глубокая, почти интуитивная стратегия, выработанная годами брака и её собственным, уникальным опытом выживания в высшем свете. Для неё эти балы и рауты были не праздным времяпрепровождением, а продолжением его службы, но на совершенно ином, невидимом фронте.

Причины её настойчивости были многослойны.

Наташа прекрасно понимала, с кем имеет дело её муж. Она видела этих людей — исправника Сиволапова, уездных чиновников, мелких дворян, озабоченных лишь своим карманом. Она знала их язык: язык не законов, а личных связей, намеков и молчаливых договоренностей. Николай Ильич, со своей прямолинейной гусарской честностью, пытался бороться с ними как с бездушной бюрократической машиной. Для него они были функцией. Для них он был занозой.

Наташа же видела в них людей. И она понимала: чтобы победить систему, нужно обезоружить людей, которые её составляют. Когда Николай Ильич, хмурый и напряженный, лично пожимал руку Сиволапову на балу, когда он вёл с ним пустой разговор об овсе и псовой охоте, как она и советовала, — он переставал быть для того просто «предводителем-деспотом». Он становился Николаем Ильичом, человеком. Это снимало градус личной неприязни. Чиновник, который ненавидит тебя лично, будет вредить на каждом шагу. Чиновник, с которым ты рас-

кланялся на балу и чью жену ты похвалил за новое платье, трижды подумает, прежде чем отправить очередной кляузный донос. Это была тонкая игра по смягчению нравов.

Светское мероприятие — это витрина. Уездное дворянство должно было видеть не просто графа Ростова, а *пару* Ростовых. Наташа была его главным оружием и самым надежным щитом.

Его броня: Когда Николай Ильич уставал от пустых разговоров или был готов сорваться на грубость из-за очередного проявления тупости или наглости, Наташа оказывалась рядом. Её ослепительная улыбка, вовремя сказанный комплимент или ловко переведенная тема разговора спасали ситуацию. Она сглаживала углы, которые он неизбежно задевал своей прямоотой.

Его слава: Её присутствие превращало любой скучный чиновничий ужин в событие. Она была легендой — той самой Наташей Ростовой. Её обаяние и умение быть «душой общества» заставляли людей забывать о том, что они пришли обсуждать подряды или рекрутские наборы. В сиянии её славы авторитет Николая Ильича рос сам собой. Он был не просто честным служакой, он был мужем *той самой* Ростовой. Это добавляло ему веса в глазах общества, где репутация значила порой больше, чем реальные заслуги.

Для Наташи бальный зал был лучшей шпионской сетью. Пока Николай Ильич вел официальные переговоры в своем кабинете, она на балах и приемах собирала информацию, которую нельзя было найти ни в одной официальной бумаге.

Кто с кем в ссоре?

У кого какие финансовые трудности и кто кому должен?

Какие слухи ходят о планах губернатора?

Кто из мелких чиновников метит на место другого?

За чашкой чая или во время кадрили она узнавала больше о реальных пружинах уездной жизни, чем её муж за неделю работы с документами. А затем, дома, она мягко и ненавязчиво делилась с ним этими сведениями.

И наконец, это была её материнская забота о его душе. Николай Ильич жил в мире грязи: воровство, взятки, человеческие трагедии. Он видел изнанку жизни уезда и нес на своих плечах груз ответственности за всё это. Если бы он замкнулся только на своих бумагах и отчётах, которые приносили лишь горечь и разочарование, он бы просто сломался.

Светская жизнь была для него глотком свежего воздуха. Это было напоминание о том, *ради чего* всё это делается. Вид танцующей молодежи (включая их сына), музыка, красота жены — всё это возвращало ему силы. Это был островок гармонии в океане хаоса и несправедливости. Наташа понимала: чтобы он мог продолжать свою тяжелую борьбу утром в понедельник, ему необходимо выдохнуть и почувствовать жизнь в пятницу вечером.

Поэтому она не просто настаивала — она вела его за руку на этот бал так же уверенно, как когда-то вела за собой в вальсе. Это была её война за него и вместе с ним. И на этой войне она была куда более опытным стратегом.

Зал дворянского собрания, ещё полчаса назад казавшийся пустым и гулким, теперь гудел, как растревоженный улей, и переливался всеми цветами радуги. Свечи в огромных люстрах отражались в натертом до зеркального блеска паркете и в сотнях драгоценных камней, украшавших дамские наряды. Воздух был густо настоен на ароматах парижских духов, воска и лёгком запахе морозной свежести, который приносили с собой гости.

Княгиня Наташа Ростова впорхнула в зал под руку с мужем, но тут же, поцеловав его в щёку, растворилась в толпе. Она была в платье из плотного, струящегося шёлка цвета «*опаловой луны*» — сложный серо-голубой оттенок, который при движении отливал то розовым, то сиреневым. Лиф был отделан тончайшим чёрным кружевом шантильи, а единственным украшением служила старинная нитка крупного жемчуга, принадлежавшая ещё её свекрови, графине Ростовской. В этом платье не было кричащей роскоши, но была безупречная элегантность и та внутренняя сила, которая заставляла всех оборачиваться ей вслед.

Рядом с ней, словно антипод, выступала **Вера Ростова**, теперь уже Берг. Она привела с собой мужа, немецкого инженера Адольфа Берга. Вера была воплощением чопорности и порядка. На ней было платье из тяжёлого атласа модного в этом сезоне «*цвета Нила*» — глубокого, почти чёрного синего. Квадратный вырез был закрыт плотной газовой косынкой, а весь наряд был настолько безупречен и строг, что казался форменным мундиром. Адольф Берг, в идеально сидящем фраке, с безукоризненным пробором и моноклем, который он то и дело подносил к глазу, выглядел рядом с ней как деталь её собственного наряда — точный и функциональный механизм.

Княжна Марья Болконская приехала позже других. Она никогда не любила эти шумные сборища и согласилась приехать только ради Николая Ильича. Её сопровождал муж, **Николай Ростов-младший**. Он смотрел на неё с такой нежностью и гордостью, что это было заметно всем вокруг. Марья была в платье мягкого оливкового цвета из бархата. Тяжёлая ткань скрадывала её худобу, а простой крой без лишних оборок подчёркивал благородство черт. Единственным украшением была камея из слоновой кости на чёрной ленте вокруг шеи. Она не была красавицей в светском понимании, но от неё исходило такое спокойствие и внутреннее сияние, что рядом с ней хотелось стать лучше.

В противоположном конце зала **графиня Марья Дмитриевна Ахросимова**, вечный арбитр уездной морали, возвышалась скалой над стайкой молоденьких девиц. Её платье из лилового лионского шёлка было настолько пышным и монументальным, что казалось, будто она несёт на себе небольшой особняк. Она не танцевала, а инспектировала зал своим тяжёлым взглядом, от которого самые смелые сплетницы умолкали.

Исправник Сиволапов явился без супруги (она сказалась больной) и немедленно направился к буфету. Его новый вицмундир сидел на нём колом, а сам он выглядел как медведь на церковной службе — неловко и неуместно. Он пытался завести разговор с двумя престарелыми княгинями о видах на урожай ржи, но те лишь поджали губы и отвернулись к окну.

Молодёжь уже кружилась в вальсе. **Николай Ростов-младший**, ведя в танце какую-то румяную барышню с родинкой на щеке, то и дело бросал взгляды на родителей. Он видел отца — усталого, но старающегося держать спину прямо, и мать — сияющую и прекрасную. В этот момент он чувствовал к ним огромную благодарность за их стойкость.

А сам **Николай Ильич Ростов**, проведив взглядом жену, остался стоять у колонны. Он смотрел на этот пёстрый, шумный калейдоскоп: на строгое платье Веры, на сияющую Наташу в «*опаловой луне*», на монументальную Ахросимову... Он видел не просто наряды и лица. Он видел карту своего уезда. Вот союзники (семья Бергов — скучные, но надёжные исполнители), вот враги (Сиволапов), вот непредсказуемая стихия (Ахросимова), а вот его главная опора и самый верный стратег — Наташа. И сейчас он с пронзительной ясностью понял правоту её слов: этот бал был не менее важен для его службы, чем все его отчёты и прошения вместе взятые. Это была политика улыбок и реверансов, где каждое платье было мундиром, а каждый танец — дипломатической победой или поражением.

Среди пёстрой, шумной и, по правде сказать, довольно однообразной в своей провинциальной роскоши толпы, несколько платьев врезались в память не только Николаю Ильичу, но и всем, кто обладал хоть каплей наблюдательности. Это были не просто наряды, а целые декларации, безмолвные заявления о характере, амбициях и тайнах их обладательниц.

«**Роза, тронутая инеем**» Это платье принадлежало **Елене Павловне Сабуровой**, молодой вдове, недавно приехавшей в уезд из Петербурга. Она была той самой «опасной» дамой, о которой шептались все кумушки. Её наряд был воплощением столичного шика и дерзости. Тончайший тюль телесного цвета создавал иллюзию обнаженного тела, поверх которого были нашиты крошечные, искусно вырезанные лепестки роз из бледно-розового атласа. Казалось, что её кожа светится сквозь слой утреннего инея. Лиф был целомудренно закрыт до самого горла, но глубокий вырез на спине, спускавшийся почти до поясницы, заставлял муж-

чин забывать о дыхании. Это было платье-ловушка: оно одновременно кричало о чистоте и соблазняло грехом. Николай Ильич поймал себя на мысли, что ему неприятно видеть, как его сын Коля не может оторвать от неё взгляда.

«Слоновая кость и бархат» На фоне кричащих нарядов провинциальных модниц платье княгини **Лидии Сергеевны Мещерской** казалось образцом аристократической сдержанности. Она была ровесницей Наташи, но выглядела старше и утомленнее. Её платье было цвета слоновой кости, из плотного, тяжелого шелка. Никаких рюш, никаких лент. Единственным украшением служил лиф, полностью расшитый мелким восточным жемчугом. Жемчужины были подобраны так искусно, что создавали эффект легкой чешуи или кольчуги. Это было платье-щит. Оно говорило: «Я неприступна. Я храню свои тайны». Лидия Сергеевна почти не разговаривала, стояла у стены с бокалом лимонада и смотрела на танцующих с выражением легкой брезгливости и тоски. Её наряд был безупречен, но в нем не было жизни.

«Дерзкий изумруд» Самым громким, в прямом смысле слова, событием вечера стал наряд **Анны Аркадьевны Липской**, дочери местного предводителя дворянства. Она была известна своим вздорным характером и желанием во что бы то ни стало затмить всех. Её платье из тяжелого изумрудного атласа было настолько перегружено отделкой, что казалось картонным. Рукава-буфы размером с небольшой кочан капусты, юбка, под которой наверняка было не меньше пяти нижних накрахмаленных юбок, и шлейф длиной в добрых три аршина, который её горничная таскала по полу, как хвост павлина. Но главным элементом была отделка: по всему лифу и подолу шла широкая полоса золотого позумента с вплетенными в него кусочками слюды. При каждом её движении платье издавало тихий, но отчетливый хрустальный звон. Когда Анна Аркадьевна шла через зал, казалось, что движется не человек, а ходячая витрина ювелирной лавки или рождественская елка. Николай Ильич поморщился от этого звука — он казался ему фальшивым и вульгарным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.